

Аманова Г. А.

Лингвистичний центр «Призма» (м. Москва, Росія)

О ПЕРЕДАЧЕ НАЦИОНАЛЬНОГО СВОЕОБРАЗИЯ КИТАЙСКОЙ И КОРЕЙСКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ В ПЕРЕВОДАХ АННЫ АХМАТОВОЙ

Анна Ахматова является одним из первых переводчиков китайской и корейской поэзии. Сборник стихотворений под названием «Корейская классическая поэзия», изданный в 1956 и переизданный в 1958 г., обрел большую популярность среди читателей, особенно среди русскоязычных корейцев. Ахматова стала вызывать большой интерес, многие читатели впервые знакомились с ее собственным творчеством и с биографией поэта. Стойко переживаемая ею в это время профессиональная изоляция и гонения свидетельствовали о масштабах этой личности, а стихи о страдающей женщине, еще ждущей любви, были близки многим читательницам.

В откликах, опубликованных на этот сборник, наряду с одобрительными замечаниями звучали и ревностные нотки критиков, сетовавших на не-достаточное знание поэтом менталитета и реалий корейской жизни.

Однако переводы Ахматовой показывают, что она в основном сохранила чисто корейские и китайские временные обозначения, топонимы, имена исторических и легендарных личностей, мифологию, традиционную символику, этнографические и бытовые предметы, народные традиции и поверья, иногда на языке оригинала.

Это позволило Ахматовой не только дать представление о национальной художественной традиции, но и расширить представление читателя о природе этой страны, о быте, нравах и характере китайского и корейского народа.

Ключевые слова: Ахматова, китайская, корейская, поэзия, перевод.

Постановка проблемы. Переводы Анны Ахматовой известны специалистам и широкому кругу читателей. Однако до настоящего времени переводческая деятельность великой женщины-поэта оставалась вне поля зрения ахматоведов и практически не изучена. Для современной филологической науки крайне актуально восполнить этот пробел. Исследования стиля, форм и поэтики переводов Ахматовой ответили бы на многие теоретические вопросы, в том числе и влияния иноязычного текста на ее собственное творчество. С практической точки зрения такой научный материал стал бы хорошим учебным пособием для молодых филологов и начинающих переводчиков.

Анализ последних публикаций. Информацию о переводах Анны Ахматовой можно встретить в 8 (дополнительном) томе «Ахматова Анна. Собрание сочинений» (2005) и в статье С.И. Кормилова «Региональные приоритеты Анны Ахматовой как переводчицы лирики» (2017). Однако эти работы ограничиваются комментариями и общей статистикой переведенных Ахматовой стихотворений.

Автор данной статьи ставит своей целью показать мастерство Ахматовой в передаче наци-

ональной художественной традиции, продемонстрировать стилистические приемы, лаконично отразившие мифологию, символику, специфичную образность китайской и корейской поэзии. Оригинальный переводческий стиль Ахматовой смог преодолеть сложности совершенно неизвестной читателям дальневосточной культуры.

Изложение основного материала. Ахматова является одним из первых переводчиков китайской и корейской поэзии. Известно, что в 1955 г. в журнале «Огонёк» были опубликованы стихотворения из китайской поэзии в ее переводах, а в 1956 г. вышел сборник «Китайская классическая поэзия (Эпоха Тан)» с ее участием.

Составитель и комментатор 8-томного собрания ахматовского наследия Н.В. Королева писала: «Ахматова перевела стихи двенадцати китайских поэтов. Начиная с 1954 г. ее переводы входили во все русские издания китайской классической поэзии» [2, с. 814]. Это стихотворения «Призывание души» Цюй Юаня (ок. 340 – 276 г. до н.э.), «Плач о Цюй Юане» Цзя И (201 – 169 гг. до н.э.), «Поднося вино», «Песня о восходе и заходе солнца», «Луна над пограничными горами», «Песни на границе», «На западной башне в городе Цзиньлин

читаю стихи под луной», «Провожая до Балина друга, дарю ему эти стихи на память», «Пройдя Цзыньминьское ущелье, расстаюсь с родиной» Ли Бо (618 – 907), «Без названия» («К безымянной»), «Лэююань», «Драгоценная цитра», «Лунная волшебница Чан Э», «Пишу о думах» Ли Шан-иня (813 – 856), «Осенний дождь» Мэй Яо-чэня (1002 – 1060), «Жизнь в деревне» Вэнь Туна (1018 – 1079), «Песня в западном тереме» Юань Хао-вэня (1190 – 1257), «Осенние думы» Чжан Кэ-цзю (ок. 1280 – 1330), «Река Цзюймахэ» Фу Жо-цзиня (1304 – 1343), «Песенка «Сорванная ветка ивы»» Сюй Цю (ок. 1650 – ?), «Записки о событиях» Шэнь Цинь-ци (ок. 1670 – ?), «Лютый тигр» Юй Чжи (ок. 1700 – ?). Поэму Цюй Юаня «Лисао» Н.В. Королева поместила в раздел «Коллективное», поэтому ее оставляем вне нашего анализа.

Переводы Ахматовой, в том числе из корейской поэзии, создававшейся под влиянием китайской, насыщены китаизмами, что свидетельствует о ее стремлении максимально полно сохранить символичность традиционных образов, имена мифологических персонажей, легендарных и исторических личностей, топонимы и бытовые реалии. Например, имя Хоу-цзы (или Хоу Цзи 后稷 Hòu Jì) – «министр земледелия при императоре Шуне, обоготворенный впоследствии под именем бога земледелия» [5, с. 290]. По одной из версий, «мать его – Цзян Юань – наступила на след великана и забеременела. Когда ребенок родился, то мать, считая, что он принесет людям несчастье, хотела бросить его. Поэтому Хоуцзи иногда называют именем Ци, что значит «брошенный»; считается, что Хоуцзи научил народ земледелию» [1, т. 1, с. 298].

Вот строки стихотворения «Осенний дождь» Мэй Яо-чэня:

Пред богом ныне Хоуцзи,
Но прежде помогал сильнее.
Ци знает пахаря труды.
Он некогда своей рукою
Учил возделывать поля.
[1, т. 1, с. 34]

В стихотворении «Песня о восходе и заходе солнца» Ли Бо встречаем имя Лу Яна (полное имя Лу Ян-гун 魯陽 Lǔ Yáng), легендарного богатыря, жившего в период «Борющихся царств» (403-221 гг. до н.э.). Сражаясь на стороне княжества Вэй против княжества Хань, Лу Ян махнул копьем и остановил уже садившееся на западе солнце [2, с. 823]. В этом же стихотворении сохранила переводчица и имя Со Хо (в оригинале звучит как Си Хэ хі хэ 羲和). «Си Хэ – это возница

солнца в китайской мифологии, олицетворяемый в образе девушки» [5, с. 286]:

О, Си Хо, Си Хо, возница солнца,
Расскажи нам, отчего ты тонешь
В беспредельных и бездонных водах.
И какой таинственной силой
Обладал Лу Ян? Движенья солнца
Он остановил копьем воздетым. [3, с. 104]

Ахматова сочла необходимым оставить китайские названия некоторых образцов оружия. Например, Мо-се 莫邪 mò xié – имя особо прочного меча. Согласно легенде, «Мо-се была женой Гань Цзяна. Уский князь Хо Люй приказал Гань Цзяну выплавить металл для изготовления меча. Металл не поддавался огню; тогда Мо-се спросила, что нужно сделать, чтобы металл расплавился. Гань Цзян ответил: когда металл не плавится, духу очага нужно принести в жертву женщину. Мо-се бросилась в плавильную печь, после чего металл был выплавлен и сделаны два меча. Мечи были названы именем Мо-се» [5, с. 299].

Некоторые образы в китайской поэзии, заимствованные из мифологии, связаны с идеей перерождения людей в духов. Такова девушка Ми-фэй – «дочь сказочного императора Фу-си. Как гласит легенда, Ми-фей утопилась в реке Лошуй и стала феей этой реки» [5, с. 278]. Ей посвящена ода Сун Юя (IV в. до н. э.) «Бессмертная фея». В ней поэт «описывает, как он гулял с чуским князем Хуай-ваном в Юньмыне. Князь заснул и во сне имел свидание с прекрасной феей» [1, т. 1, с. 406]. Сун Юй вдохновил Цао Чжи на создание произведения «Фея реки Ло», где описана внезапно вспыхнувшая между ним и феей любовь. Другой пример: Ван-ди – князь, живший при династии Чжоу, душа которого после его смерти вселилась в кукушку. Потеря душ – символ тоски изгнанного [2, с. 817]. «По китайским верованиям, у человека не одна, а несколько (обычно – две) души. Одна со смертью человека улетает на небеса, а другая остается с телом и погибает вместе с ним. В китайской традиции после смерти человека обязательно совершается обряд «призывания души», чтобы умиловить улетевшую душу и поселить ее в таблице предков, а также в случае болезни, обморока и т.д.» [там же]. Этот традиционный траурный обряд описан в стихотворении «Призывание души» Цюй Юаня:

Душа, вернись, вернись, душа!
Зачем, покинув тело господина,
Душа, ты бродишь в четырех краях?
Зачем ты родину свою забыла,
Всем бедствиям себя подвергла ты?
Душа, вернись, вернись, душа! [5, с. 143]

Характерно, что любовные предания заканчиваются печально. Например, история Лю Чэна – персонажа легенды, который встретил в горах девушку и полюбил. Когда он вернулся домой, оказалось, что сменилось уже семь поколений. Дороги назад к возлюбленной он не нашел. В стихотворении Ли Шан-иня «Без названия» («К безымянной») обыгрывается имя девушки и название горы, оба зовутся Пэн Лай (или Пынлай). Легендарная гора, где живут бессмертные и недостижимая девушка, становится равнозначной с антропоморфным образом:

Я, как Лю Чэн,
Горюю о пропаже:
Мою Пэн Лай
Я не увижу даже,
Ведь отдален
Я от Пэн Лай волшебной
Громадами
Непроходимых кряжей [2, с. 274].

Та же история была использована корейским поэтом XVII в. Со Иком:

Если бы разрушить эту гору,
Если бы засыпать ею море,

Я тогда б добрался до Пынлая,
Там с моей любимой повстречался...

Но, увы, я схож с пичужкой малой
И не создан для таких деяний!
[4, с. 158].

Ахматова в своем переводе дала название горы, но не использовала имя птички, которое отсылало к другой легенде, русскому читателю неизвестной. Здесь потребовался комментарий востоковеда А.А. Холодовича: «Автор стихотворения сравнивает себя с малой пичужкой (в подлиннике – с птицей цзинвэй). По преданию, жена мифического императора Янь-ди, утонувшая в Восточном море, обернулась после смерти птицей; эта маленькая, невзрачная птичка долбит камни и деревья, пытаясь засыпать отколотыми камешками и щепочками то море, в котором она утонула, когда была человеком. Разумеется, это ей не удастся. Поэтому выражение “птица цзинвэй засыпает море” означает: замыслить что-либо несбыточное и только зря потратить на это силы» [4, с. 305].

История коварства, которое приводит к одиночеству, связана с Чан Э (или Хэн Э嫦娥Cháng'é) – женой Хоу И [2, с. 361]. Об этом повествуется в стихотворении Ли Шан-иня «Лунная волшебница Чан Э». По древнекитайской легенде, она украдала

у мужа лекарство бессмертия и бежала с ним на луну. Став на луне бессмертной, она тосковала в одиночестве.

云母屏风烛影深， 长河渐落晓星沉。
嫦娥应悔偷灵药， 碧海青天夜夜心。

Yúnmǔ píngfēng zhú yǐng shēn, Chánghé jiàn luò
xiǎo xīng chén.

Cháng'é yīng huǐ tōu líng yào, Bìhǎi qīngtiān yè yè
xīn. [6, с. 1215]

Как резок силуэт свечи на белой шторе.

В небесном Млечный Путь

уже исчез просторе,

Чан Э бессмертия уже не тешит зелье,

Ей вечно быть теперь то на небе, то в море.

[2, с. 275]

Для Ахматовой было важно оставить в переводе имя мудреца Чжуан-цзы – известного китайского философа. Это аллюзия на знаменитую историю о том, как ему приснилось, что он был бабочкой. «Проснувшись, мудрец не мог определить, он ли видел во сне бабочку, или сейчас бабочка видит во сне Чжуан-цзы» [1, т. 2, с. 360]. Эта притча заставляет нас задуматься о том, кто мы на самом деле: а может быть, ты бабочка, которой во сне кажется, что она – человек, произносящий эти строки?

Мудрец Чжуан-цзы в глубоком сне
Сияющей бабочкой был.

Ван-ди после смерти все чувства свои

В лесную кукушку вселил. [1, т. 2, с. 360]

Другой блок имен связан с именами известных исторических личностей. В политических, биографических и философских аллюзиях китайский поэт передавал скрытый смысл произведения. Например, в переводах встречаются имена Иньский Чжоу Синь, Бо И, Дао Чжэ, Хэ Цао-яо, Цзин Кэ. Сами по себе они ничего не говорили русскому читателю. Но для китайцев это знаковые фигуры. В комментариях мы читаем: «Иньский Чжоу Синь – последний император династии Инь, известный своим разворотом, Бо И – сановник императора Шуня (III тысячелетие до н.э.), отличавшийся своей честностью, Дао Чжэ – разбойник, живший во времена «желтого императора» Цинь Шихуанди (III тысячелетие до н.э.), отличавшийся крайней жестокостью. По преданию, он убивал молодых людей и съедал их печень. Хэ Цао-яо – генерал, прославившийся победой над гуннами. Ханьский император Сюань-ци приказал поместить портреты выдающихся сановников, в том числе первым – генерала Хэ Цао-яо – в башне Цилин» [2, с. 824]. «Цзин Кэ – был послан наследником яньского князя убить жестокого

императора Цинь Шихуанди. < ...> Когда после неудачного выступления против жестокого императора Цзин Кэ уходил в государство Цинь, он громко пропел: "Свистит ветер, вода в Ишуй холодна. Молодец уходит и больше не вернется обратно"« [1, т. 3, с. 309].

Встречаются и имена современников, деливших радостные застолья с поэтами. Так в вечности остались имена друзей великого поэта Ли Бо – учитель Цэнь и Дань-цю – благодаря его стихотворению «Поднося вино»:

岑夫子，
丹丘生，
將進酒，
杯莫停。
與君歌一曲，
請君爲我傾耳聽。
[7, т.1, с.179-180]

Cén fūzǐ Dān qiū shēng
Jiāng jìn jiǔ Bēi mò tíng
Yǔ jūn gē yī qǔ Qǐng jūn wèi wǒ qīng ěr tīng
Учитель Цэнь
И ты, Дань-цю,
Коль поднесут вино,
То пейте до конца,
А я вам песнь спою,
Ко мне склоните ухо. [2, с. 269]

Типичным приемом китайской поэзии было апеллирование к именам поэтов, биографии или произведения которых уже имели определенный символический характер. Мы встречаем имена знаменитых поэтов Цюй Юаня (ок. 340-276 г. до н.э.), Цао Чжи (192-233), Се Тяо – Се Сюань-хоя (464-499). Так, имя Цюй Юаня – одного из крупнейших китайских поэтов, жившего в царстве Чу на юге Китая, – стало синоним трагической судьбы талантливого человека. Он являлся и крупным сановником Чуского царства, но по навету клеветников был лишен всех должностей и жил в изгнании. В знак протеста против несправедливостей он покончил жизнь самоубийством, бросившись в реку Мило. Поэт Цзя И в «Плаче о Цюй Юане» пишет:

Я прежде был приближен к трону,
Теперь изгнание – жребий мой.
Здесь Цюй Юань свой путь преславный
Окончил в глубине речной. [2, с. 267]

Топонимы на китайском языке также занимают значительное место в переводах Ахматовой. Это царство У [2, с. 263, 265]¹ – удельное княжество на юго-востоке Китая, У и Юэ (272) – таковы

древние названия провинций Цзянсу и Чжецзян. Из возвышенностей Ахматова использовала следующие названия: гора Юйлэй в Сычуани (276), гора Тянь-шань (271), гора Бодэн (271) в провинции Шэньси, холм Балинь (282, 273) и ущелье Цзыньминь (273). Из городов упоминаются Чаньань (273) и Цзиньлин (272), врата города Инчэна (261) – столицы княжества Чу, Цзяннань (266) – место ссылки Цюй Юаня, а также заставы Юйгуань (280) и Юймынь (271). Чанбо (266) – название местности недалеко от реки Лунцзян в провинции Аньхуэй [5, с. 297]. Местность Ляо (281) не уточняется. Ахматова оставила китайские названия парка Лэююань (Гуюань) (275) около города Чаньань и Вэйского моста (272), который находится в провинции Шэньси, к северу от Чаньани; Пинлэ – название дворца в провинции Гуанси (270).

В стихотворении «Записки о событиях» Шэнь Цинь-ци упоминается *Дом Тан* – династия Тан, правившая в Китае с 618 по 907 г. [1, т. 1, с. 234].

Из водных стихий на китайском читаем названия рек Цзюймахэ (Лайшуй) (280), Ишуй (Цзяньхэ) (280), Сяншуй (267), Хуанхэ (269), Ба (273), Лунцзян (266) в провинции Аньхой, озеро Цинхай (271) в провинции Циньхай, пороги Туна (горный поток) и Цзяна (река Янцзы) (276).

Употреблены слова *ли* – китайская мера длины, равная несколько менее ½ километра, и *доу* – мера объема, равная 10,3 литра, а также название сосуда.

Растительный мир у Ахматовой не столь многочислен на китайском. Она оставила название «трава душистая байчжи» (266).

Ахматова приводит названия и содержание песен. «Песенка “Сорванная ветка ивы”» Сюй Цю в переводе звучит так:

Уж сорок лет, как я приехал в Ляо,
Десятый год сыночку моему.
Он услышал случайно речь родную,
Но те слова неведомы ему. [2, с. 281]

Песенка “Сорванная ветка ивы”« – обозначение жанра поэтического произведения, в котором речь идет о разлуке. В данном случае поэт говорит о разлуке с родиной. В предисловии Н.Т. Федоренко к «Антологии китайской поэзии» политика Цинской династии характеризуется как союз иноземцев-маньчжуров с реакционной китайской военщиной: «Захватившие власть над Китаем императоры иноземной Цинской династии повели жестокую борьбу со всякими проявлениями свободомыслия. Заигрывая с частью китайской интеллигенции и стремясь перетянуть ее на свою сторону, они в то же время жестоко рас-

¹ Далее страницы этого издания указываются в круглых скобках.

правлялись со всеми, кто проявлял независимость мысли и осмеливался хотя бы намеком говорить о национальных чувствах китайского народа» [1, т. 1, с. 48]. «Сорванная ветка ивы» – символ изгнания.

Ахматова оставила названия песен «Через реку переправа» (264) и «С лотосом в руке» (264) в стихотворении «Призывание души» Цюй Юаня и «Иволга» (273) в стихотворении «Провожая до Балина друга, дарю ему эти стихи на память» Ли Бо.

Переводы Ахматовой вызывали положительную, но сдержанную реакцию. Н.В. Королева приводит текст рецензии, которая была напечатана на них 8 февраля 1955г. в журнале «Огонек». «На мой взгляд, – пишет рецензент, – переводы А. Ахматовой интересны. Сделаны они с большим вниманием к тексту. Могу указать лишь на некоторые небольшие улучшения. Так, в стихотворении Ли Бо «На западной башне в городе Цзиньлин» в строке «Под светлой луной вздыхаю» слово «вздыхаю» не передает китайского «чень-инь», что значит «нахожусь в глубокой задумчивости, чувствую неудовлетворение...» В стихотворении Ли Бо «Провожая до Балина друга...» речь идет не о голосе иволги, а о названии песни, которую друг поет на прощание.

Думаю, что стихотворение «Песня на границе» наименее удачно не по вине переводчика: оно требует слишком больших комментариев для китайского, а тем более для советского читателя. Поэтому не останавливаюсь на замеченных мною в нем неточностях.

Надо только приветствовать появление в журнале «Огонек» новых переводов китайской классики, сделанных А. Ахматовой» [2, с. 814-815].

Анна Ахматова стала первым переводчиком основного корпуса корейской поэзии. Самые ранние ее переводы были опубликованы во втором номере журнала «Иностранная литература» за 1955 г. Через год вышел сборник «Корейская классическая поэзия. Перевод Анны Ахматовой». (общая ред., предисл. и примеч. А.А. Холодовича. М., 1956). Второе издание было «частично переработано и дополнено новыми переводами» [4, с. 16].² В него вошли произведения 44 корейских поэтов VII – XIX вв. [2, с. 845].

В переводах из корейской классической поэзии Ахматова использует тот же прием максимального приближения текста к оригиналу путем использования корейских названий, например, во временных обозначениях. Так, «годы Силла» (VII-X вв.)

(24) – период корейской истории. Топонимы часто встречаются в произведениях корейских поэтов. В стихотворении Ли И李珣 (XVI в.) «Девять излучин Косана» 高山九曲潭 есть фраза: 一曲은 어디 띄고 冠巖에 희 빛친다 [8, с. 140], которая дословно переводится: «там, где первая излучина Кванак под солнечными лучами». У Ахматовой она выглядит так:

Излучину, что у Кванак, я славлю!
Хорош Кванак под солнцем золотым.
(92)

Стихотворная фраза 二曲은 어드메고 花巖에 春晚 커다 [8, с. 141] – «там, где вторая излучина, поздняя весна на Хваам» – у Ахматовой звучит так:

Излучину, что у Хваам, я славлю!
Как поздняя весна прекрасна здесь!
(93)

Кванак – местность у излучины реки. В другом случае использован топоним Хваам 花巖, который означает Скала Цветенья. Игок 二曲 переводится как Вторая излучина, но Ахматова это слово опустила.

Следующая стихотворная фраза 三曲은 어디메 오 翠屏에 잎 피졌다 [8, с. 142] – «там, где третья излучина, почки, у Чхипён набухли» – у Ахматовой такова:

Излучину, что у Чхипён, я славлю,
Когда зазеленеет здесь листва!
(93)

Ахматова использовала название Чхипён 炊屏 – Ширма леса, но опустила Самгок 三曲 – Третья излучина. Далее корейский поэт перечисляет излучины цифрами *сагок* 四曲 – «четвертая», *огок* 五曲 – «пятая», *юккок* 六曲 – «шестая», *чилгок* 七曲 – «седьмая», *пхалгок* 八曲 – «восьмая», *кугок* 九曲 – «девятая» [8, с. 143-148]. Ахматова этого не делает во избежание монотонности.

Далее, в этом стихотворном цикле Ахматова дала без перевода все корейские названия известных мест, которые упоминает корейский поэт: Сонэ 松崖 (94) – Сосновый бор, Ыпхён 隱屏 (94) – Ширма перелеска, Чодэ 釣峽 (94) – Беседка удочки, Пхунам 楓巖 (95) – Утес кленовый, Кымтхан 琴灘 (95) – Берег лютни, Мунсан 文山 – Гора мудрости.

Кроме перечисленных примеров Ахматова дает следующие топонимы в оригинальном звучании: долина Улин (39) – место в китайской провинции Хунань, местность Сяошуй (47). Упомянуты крепость Нёнбён (58), мост Сонин (59), Чахандон (59) – место в окрестностях Кэсона, столицы Кореи в X – XIII вв., княжество Чжоу (64), остров

² Далее страницы этого издания указываются в круглых скобках.

Хансан (144), Китай (116), перевал Чансонрён (233), Кенсандо (290), Ульсан (290), Сандаль (290), Муи (92) – родина китайского философа Чжу Си (302), Согён (28) – «Западная столица» – древнее название Пхеньяна, Сеул (267), Сонгён – древнее название Сеула, Малый Сонгён – Пхеньян (28), местность Канхва (290). Линяньгэ (57) – название знаменитой портретной галереи одного из императоров династии Тан в Китае. Позже Линяньгэ стало нарицательным наименованием портретной галереи вообще (299).

Ахматова приводит названия корейских гор Сонсан (37), Сосоксан (37), Чанбэксан (57), Мунсан – гора мудрости (95), Вольчхуль (101), Самкаксан (146), Тхэсан (268,269), перевалов Чоллён (137) и Чансонрён (233). В произведениях корейских авторов встречаются также названия китайских гор Цзишань (42), Пынлай (58, 63,73), Шоуян (64), Тайшань (176).

Названия корейских рек Тэдонган (28), Чами (40), Амноккан (167) и Хинган (146) порой соседствуют с названиями китайских рек Иньшуй (42), Янцзы (179), Мило (226), Уцзян и Чуцзян (109), озером Дунтин (116,168), порогами Цзилитань (119).

В корейской поэзии образ-символ, связанный с историческими персонажами или легендарными героями, мифами Китая, также выполнял роль аллюзии. Например, у поэта Ли Чан Рана есть стихотворение:

Тигр, ревуший на чуских высотах,
И дракон из глубоких болот

Вихрь рождает и тучи наводят, –
Так играет их яростный дух.

Только циньский олень одинокий
Сам не знает, что делать с собой. (61)

Под драконом и тигром подразумеваются Лю Бан и Сян Юй. Лю Бан – один из вождей крестьянского восстания, под ударами которого пала Цинская империя (Китай, III в. до н.э.); Сян Юй – полководец и правитель княжества Чу, соперник Лю Бана. «Циньский олень одинокий» – образ оставшегося в одиночестве и обреченного на гибель врага. Стихотворение поэт написал в эпоху смены династии в Корее (299).

Китайские имена легендарных персонажей, таких как мудрый Цан (217), мифический изобретатель китайской письменности, и Сюй Ю (42), отшельник времен древнего императора Яо, даны в оригинальном звучании. Ахматова сохранила символичность имен Су Дун-по (1036-1101),

знаменитого китайского поэта эпохи Сун (41), известного как Су Ши, и Ли Бо (701-762), одного из крупнейших поэтов танского Китая (41). Эти имена выполняли важные художественные функции. Во-первых, они свидетельствовали об эрудиции поэта, во-вторых, аллюзия была обязательным элементом поэтического творчества; имена играли важную роль, усиливая и углубляя символичность художественного образа.

Ахматова оставила название народностей Юэ и Хо (55). Юэ проживали на юге Китая, позднее это название стало относиться к южным иноземцам вообще. Хо – название маньчжурских племен, часть которых в средние века проживала в пределах Северной Кореи (298).

В переводах встречаем также корейские имена Чхоёна (24), Веячжи (25), Мота (25), Нонни (25), Сандэбу (110), а также китайские имена Шу и Бо (64), Пянь Цяо (48), Лянь Си (39) или Чжоу Дун-и (1017–1073) – китайского конфуцианского ученого эпохи Сун; Чжу Си (92) (1130–1200) – китайского философа, литератора и комментатора конфуцианских канонических произведений; Шуна – китайского императора (109, 303), согласно преданиям, жившего в XXIII в. до н. э.; Ян Цзы-лина (119), Су Цина (204), Чжугэ Ляна (204, 276) (181–234) – полководца и государственного деятеля эпохи Троецарствия; Цюй Юаня (226) (ок. 340 –278 до н. э.) – первого известного поэта в истории Китая; Кун-цзы (245), или Конфуция (ок. 551 – 479 гг. до н. э.), китайского мыслителя и философа; У-ди (276) (141–87 гг. до н. э.) – китайского императора; Ши-хуана (276) – китайского императора Цинь Шихуанди (258-210 гг. до н. э.).

Имена известных людей использовались поэтами для того, чтобы подсказать читателю истинный смысл повествования. Например, имена Шу и Бо (или Шу Ци и Бо И) – сыновей Мотайчу, правителя царства Гучжу (Китай, XII в. до н.э.), – ассоциировались с патриотизмом. Отказавшись служить князю, погубившему их родину, Бо И и Шу Ци удалились в горы Шоуян и погибли там от голода. Они отказались питаться даже дикими травами, так как им казалось, что эти травы поит дождь враждебного княжества Чжоу (300). Имя юноши Наньпа (145) взято из китайской истории. Во время казни он был вдохновлен словами убежденного сединой государственного деятеля, который умер, но не покорился врагу, и сам мужественно принял смерть (304-305).

В некоторые стихотворения включались строки других известных авторов. Например, «Чиста Цанланская вода» (105) у Юн Сон До –

это строка из стихотворения «Отец рыбак» Цюй Юаня [5, с. 141], которую корейский поэт цитирует в произведении «Времена года рыбака». Смысл строки – в этом мире все спокойно. Вспомнив эти стихи, Юн Сон До задумывается над своей судьбой, в которой, по его мнению, много общего с судьбой Цюй Юаня (302).

К образам-символам из китайской мифологии корейские поэты обращались достаточно часто. Таковы, например, Луэр (67) – один из восьми коней чжоуского князя Мувана, меч Лунцюань (67, 175), меч Сян Юйя (204) и бич Мэн Бэня (204).

Ахматовой удалось сохранить в поэтическом переводе традиционные поверья. Мондар (272) – это неприкаянная душа того, кто умер неженатым (не замужем), Ноинсон (153) – звезда, управляющая жизнью.

Отдельный блок составляют бытовые предметы: намусин (224) – корейская деревянная обувь, чонтараги (286) – плетеные бамбуковые корзины, музыкальные инструменты комунго (95)

и каягым (191), сок – мера зерна. Используются названия налогов чёнсе и тэдонсе (290).

Национальный колорит в переводах Ахматовой передают песни «Тон-дон», «Чхоёнга» и «Согён пёльгок» и звукоподражания «Ай, тондон-дари!» (21), «ачжилька» (28), «Ви, туоронсон, таринтири!» (28), «Ялли, ялли, яллянсон, ялляри, ялля» (32), которые звучат в них. Сохранила Ахматова в оригинале и «Намуамитамбуль» (290) – неперебиваемое восклицание при произнесении молитвы.

Выводы. Поэтическое содержание переводов Анны Ахматовой, их образность и стилистика воспроизводят китайский и корейский оригинал с достаточной точностью, сохраняя при этом философскую глубину и иногда даже индивидуальный художественный стиль авторов. Переводы Ахматовой дают представление о национальной художественной традиции, а реалии и воспроизведенный предметный мир расширяют представление читателя о природе, о быте, нравах и культуре народов Китая и Кореи.

Список литературы:

1. Антология китайской поэзии. Т. 1-3. М.: Гослитиздат, 1957-1958.
2. Ахматова Анна. Собрание сочинений. Т. 8 (дополнительный). Переводы. 1950-1960-е годы / Сост., коммент., статья Н.В. Королевой. Подгот. текста Э.В. Песоцкого, Н.В. Королевой. М.: Эллис Лак, 2005.
3. Китайская классическая поэзия (эпоха Тан). М.: Гослитиздат, 1956.
4. Корейская классическая поэзия. Перевод Анны Ахматовой. Общая ред., предисл. и примеч. А.А. Холодовича. 2-е изд. М.: Гослитиздат, 1958.
5. Цюй Юань. Стихи. Перевод с китайского. М.: Гослитиздат, 1956.
6. 唐诗鉴赏辞典. +-, 1985.)
7. 李白。李太白 全集。全三册3。中華書局出版社。北京。(Ли Бо. Полное собрание сочинений Ли Тайбо: В 3т. Пекин, 1977.)
8. 청구영언선. 평양, 1954. (Неувядающие песни страны зеленых гор. Пхеньян, 1954.)

Аманова Г. А. ПРО ПЕРЕДАННЯ НАЦІОНАЛЬНОЇ СВОЄРІДНОСТІ КИТАЙСЬКОЇ ТА КОРЕЙСЬКОЇ КЛАСИЧНОЇ ПОЕЗІЇ В ПЕРЕКЛАДАХ АННИ АХМАТОВОЇ

Анна Ахматова є одним з перших перекладачів китайської та корейської поезії. Збірка віршів під назвою «Корейська класична поезія», видана 1956-го й перевидана 1958 року, була дуже популярною серед читачів, особливо серед російськомовних корейців. Творчість й особистість Ахматової зацікавили читачів, більшість з них вперше познайомилися з її віршами й біографією. Професійна ізоляція й ути-ски, які вона переживала в ці часи, свідчили про масштаб цієї особистості, а вірші про стражденну жінку, яка ще чекає любові, були близькі багатьом читачкам.

У відгуках на цю збірку, поряд із схваленням, звучали й заповідливі зауваження критиків щодо недостатнього знання поетом менталітету й реалій корейського життя.

Однак переклади Ахматової показують, що вона в основному зберегла суто корейські й китайські часові позначки, топоніми, імена історичних і легендарних особистостей, міфологію, традиційну символіку, етнографічні й побутові предмети, народні традиції й побутові предмети, народні традиції та повір'я, іноді мовою оригіналу.

Це дозволило Ахматовій не тільки дати уявлення про національну художню традицію, але й розширити знання читача про природу цих країн, про побут, натуру й характер корейського й китайського народів.

Ключові слова: Ахматова, китайська, корейська, поезія, переклад.

Amanova G. A. ON THE TRANSFER OF NATIONAL IDENTITY OF CHINESE AND KOREAN CLASSICAL POETRY IN THE TRANSLATION OF ANNA AKHMATOVA

Anna Akhmatova is one of the first translators of Chinese and Korean poetry. A collection of poems entitled Korean Classical Poetry, published in 1956 and reprinted in 1958, gained great popularity among readers, especially among Russian-speaking Koreans. Akhmatova began to arouse great interest, many readers first became acquainted with her own work and with the poet's biography. The professional isolation and persecution that she endured at this time testified to the scale of this personality, and the poems about a suffering woman still waiting for love were close to many readers.

Along with encouraging remarks, the comments published on this collection included jealous notes of critics who complained about the poet's inadequate knowledge of the mentality and realities of Korean life.

However, Akhmatova's translations show that she mostly retained purely Chinese and Korean temporary designations, toponyms, names of historical and legendary personalities, mythology, traditional symbolism, ethnographic and everyday objects, folk traditions and beliefs, sometimes in the original language.

This allowed Akhmatova not only to give an idea of the national artistic tradition, but also expand the reader's understanding of the nature of this country, the way of life, customs and character of the Chinese and Korean people.

Key words: Akhmatova, Chinese, Korean, poetry, translate.